

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

ПОСЛЕ ТОГО как с нашей песенной эстрады зазвучала высокая, замечательная поэзия, невозможно поверить в то, что еще совсем недавно жизнеспособными считались песни с ничтожным содержанием, псевдовеселье, с пресловутой «раскруткой» и обязательным «заводом» зала.

Чем были они в свое время? Данью мещанству, конформизму, основой ресторанных программ? И кто был виновен во всеобщем распространении таких песен? Авторы? Исполнители? Публика?

Но та же самая публика так охотно и смело пошла навстречу песням Михаила Таривердиева из «Иронии судьбы», где высоко зазвучала поэзия Марины Цветаевой и Беллы Ахмадулиной. Песням Давида Тухманова, где — еще несколько лет назад это казалось невероятным — обрели музыкальную жизнь стихи Сафо, Верлена, Ахматовой...

Публика была та же самая, но новые авторы отдавали своим песни и новым исполнителям. Требовались другая школа, иное мироощущение и совсем иное восприятие себя в искусстве, иная система ценностей.

...Два года назад на ленинградской эстраде впервые прозвучала зонг-опера Александра Журбина и Юрия Димитрина «Орфей и Эвридика», которая поведала нам о судьбе певца и его месте в жизни, об испытаниях славой и вечных трудностях жизни артиста, вступившего в единоборство со своей судьбой. Но здесь же приоткрывалась и другая сторона артистической жизни, так сказать, оборотная сторона медали. Мы привыкли видеть певцов — наших кумиров — на эстраде в сиянии прожекторов, в несколько идеальном свете, когда все, что сопутствует им на самом деле — трудное, горькое — остается ТАМ, НЕ ЗДЕСЬ. И мы интересуемся только результатом. Мы очень хотим, чтобы певец нам непременно понравился, мы прилагаем порой много усилий, чтобы он разочаровал нас возможно позже. Но когда это разочарование наступает, мы теряем нашу снисходительность и доброжелательность и чувствуем себя обманутыми всерьез.

Спектакль «Орфей и Эвридика» стал горькой и героической притчей о певце, о силе его песни и об оборотной стороне медали. Орфеем в этом спектакле был молодой певец Альберт Асадуллин.

...Интересно, часто ли задумываются люди, отчего им нравится тот или иной, но именно ЭТОТ исполнитель? Ведь про певца можно сказать так немного: у него хороший голос, он темпераментен, он эмоционален. Но, как мы прекрасно знаем из жизни, полюбить за все это нельзя. И тем не менее каждое поколение имеет своих певцов, своих любимых певцов. И если эта любовь всерьез — то какие они ориентиры, какие мажоры, близкие, почти родные нам люди. Но так может произойти далеко не со всеми певцами,

бывает, есть и голос, и внешность, и темперамент, но любят почему-то другого... Так в чем же суть? Почему стали такими «ориентирами» Эдит Пиаф, Леонид Утесов, Элла Фитцджеральд, Клавдия Шульженко?

Наверное, в первую очередь потому, что они все были и остались людьми своего времени, выразили это время, лучше других почувствовали эпоху. Потому их исполнение так соприкасается с нашими сердцами. Ведь они, если можно так выразиться, — депутаты человеческих душ и настроений. Если у микрофона человек, которому есть что рассказать о себе, значит, ему есть что рассказать и об всех

вогу от любого изыскательного, критического слова, от любой, самой небольшой неудачи. В нем нет ничего от Нарцисса, и, если его хвалят, он относится к этому спокойно, мне кажется, он думает при том: «Это-то я и сам про себя знаю».

Он уже очень популярен, у него много поклонников, но они еще не обрывают пуговицы с его пальто «на сувениры». Может быть, это еще и будет. Но, думается, Асадуллин — не тот человек, которому такие признаки популярности могут дать силы и дополнительную веру в себя. Сегодня он верит, что в его деле существует только дело, да еще верит в нелегкую судьбу

«МУЗЫКИ ТОНКАЯ НИТЬ...»

О ЛИЧНОСТИ ПЕВЦА И СУДЬБАХ ПЕСНИ

нас, ему подобных.

Задача песни — сделать человека сильнее, избавить его от одиночества, помочь ему снова поверить в то, во что он почему-то перестал верить, иногда стать чуть ли не заключением. Вспомним хотя бы «Темную ночь»... Так и для сегодняшней молодежи песня — это новый жизненный опыт, путеводитель в путаном мире человеческих чувств, своеобразный этический кодекс.

Я верю в счастливую творческую судьбу, которая предстает Альберту Асадуллину. Выразительная, ни на кого не похожая манера пения, тембр голоса, мягкий, ненавязчивый артистизм заставляют слушать его и доверять ему. Есть в его пении примечательная интонация — небольшая хрипотца в мотивных завершениях. Я думаю, что это какая-то доза горечи, столь свойственная юности. Казалось бы, странно говорить о певце, что он музыкант, — ведь это обязательно подразумевается. А на самом деле не так много музыкантов, пронизанных «тонкой нитью музыки». Это смело можно отнести к Асадуллину.

Он щедро пользуется своим голосом. У него удивительная способность — опять же свойство не многих музыкантов — не считаясь с профессиональным престижем иного афишного солиста, петь для людей — где угодно, сразу как попросят, и даже если не просят, но чувствуется, что это приятно окружающим — а компании знакомых и незнакомых, в поезде, который везет его к строителям БАМа.

Певец — это должность, это жизнь на виду, а значит, огромная ответственность и искушение. Асадуллин — человек с современным «нервом», непростой, но без ложной многозначительности. С ним легко говорить: он слышит, видит, откликается не только на комплименты, но испытывает тре-

Альберт Асадуллин.

эстрадного артиста.

...Несложно вовлечь слушателей в нехитрый мир песен-бабочек. Певцы, поющие эти песни, пытаются быть провозвестниками прописных истин и потакают определенной части публики в ее слабостях. Недаром говорили, что песня отражает не только лучшие чаяния народа, но и его пред-рассудки.

Те певцы, что умеют выразить время, не могут не обладать жизненной позицией. Когда это есть, публика простит многое, простит и возраст — ведь вместе с публикой стареют, оставаясь любимыми, певцы ее юности.

Преждевременно предсказывать Асадуллину что-то столь далекое — сегодня он молод, и его любят молодые. Он архитектор по образованию, закончил Академию художеств. И это не прошло бесследно. Когда сегодня его снимают на телевидении, он всячески вникает в работу режиссера и операторов, но не для того чтобы выгоднее выглядеть с экрана, а чтобы общее, целое сочеталось с теми задачами, которые он сам перед собой ставит в том или ином произведении.

Всесоюзную известность принес ему телевизионный конкурс «С песней по жизни». Асадуллин стал лауреатом этого популярного конкурса, к радости многочисленных зрителей. Он поет песни Андрея Петрова к «Синей птице» — ему близка их стихия, изысканная и такая радостная. Поет своеобразные, неожиданные песни Ларисы Добровой. В ближайшее время споет и сыграет (уже в «Орфее» про-я-

вилось его драматическое дарование) роль Тили Уленшпигеля в новой рок-опере Р. Гринבלата, которую ставит ансамбль «Поющие гитары». Мечтает сделать концертную программу, которая будет прогулкой по стране песен, где он сможет петь и романсы, и военные песни, и песни наших дней. Он надеется на то, что в зале соберутся люди — и пожилые, и совсем юные — и он всем им докажет, что в хороших песнях есть внутреннее родство, независимо от того, когда и кем они были написаны. И молодежь будет слушать песни двадцатых годов, как сегодняшние, а те, кто намного старше, поймут самые модные шлягеры — эволюция песни будет очевидна...

Асадуллин очень придирчиво подбирает свой репертуар, обращая внимание прежде всего на текст, хочет, чтобы песня была далека от чистой развлекательности. Он считает, что песня — это маленький спектакль, в котором за три-четыре минуты надо рассказать о себе и чем-то дополнить образ мира, рассказать о судьбе своего героя и о тех, кто в зале. Он хочет, чтобы в каждой исполняемой песне была внутренняя прожитость, чтобы зал верил ему, как верят миму, работающему с воображаемыми предметами. Ждет песен, где сочетается балладность с широким экспрессивным пением.

Есть слушатели, нетерпимо относящиеся к микрофонному пению. Говорят: вот если бы без микрофона... Но если техника пришла на помощь человеческому голосу, чтобы передать мельчайшие подробности интонации, дыхание певца, чуть ли не пульс его артерий, то нет в том ничего плохого: важно лишь, чтобы микрофон не только динамически усиливал человеческий голос, а усиливал, обобщал человеческий призыв.

В Ленинграде сейчас много певцов. Эдита Пьеха, Эдуард Хиль, Таисия Калинченко, Людмила Сенчина, Виктор Кривонос, Альберт Асадуллин — очень хорошо, что они такие разные, друг на друга не похожие, и что каждый по-своему решает задачи, стоящие перед сегодняшней эстрадой. Любимых, единомышленников публика выберет сама. У каждого из этих певцов есть свои слушатели, свои поклонники...

А писать песни становится все труднее. От них ждут все большего и большего. Ведь в песне обмануть очень трудно — все в ней говорит само за себя, все в ней — мир человеческих чувств, неподвластный алгебре и анализу. И петь ее все сложнее, потому что столько уже пройдено, помнано и забыто, а необходимость в настоящих песнях все возрастает. Мне кажется, что Альберт Асадуллин все это хорошо понимает, а его личные качества, его дарование, его настойчивость — слагаемые его счастливой будущей судьбы.

С. БАНЕВИЧ,
композитор

Фото А. Бадхана